

Когда переписывание рецепта было завершено, один лист передали хозяину лавки, а второй, вместе с первым экземпляром договора, сложили в одну стопку; Ли-сюцай аккуратно сложил бумаги и убрал их.

— Теперь поставьте подписи, — сказал он, отступив на шаг и указав пальцем на место под своим именем. — Пишите вот здесь.

Хозяин лавки посмотрел на Нин Гуйчжу:

— Молодой господин, прошу первым.

Нин Гуйчжу взглянул на кисть, слегка поджал губы и шагнул вперёд. Он дважды подвернул рукава, поднял запястье и взял кисть. Ещё в годы учёбы постоянно проходили всевозможные конкурсы: заняв место, можно было получить приз от пары десятков до сотен и даже тысяч. Ради денег Нин Гуйчжу нередко участвовал в них, так что каллиграфию он тоже успел основательно потренировать. Кисть за пару юаней, пузырёк туши за пять, стопка бумаги - всего десяток, и этого хватало, чтобы поучаствовать в четырёх-пяти соревнованиях.

Тонкая рукоять кисти лежала между его белыми пальцами; с каждым плавным движением по бумаге одна за другой ложились изящные линии, и аккуратные иероглифы быстро заполнили отведённое место.

Сюн Цзиньчжоу, слегка повернув голову, смотрел. Трудно было сказать, на письмо или на самого Нин Гуйчжу.

Подпись заняла совсем немного времени. Нин Гуйчжу положил кисть, отошёл в сторону и вернулся к Сюн Цзиньчжоу, а хозяин лавки взял кисть и вписал своё имя под его подписью.

Ли-сюцай взял сложенный договор, бегло осмотрел его, подул на ещё не до конца высохшие чернила, затем вынул печать и по очереди поставил оттиск поверх имён обоих, после чего сложил лист пополам и разорвал. Неровный рваный край остался на обеих половинах договора. Ли-сюцай передал их сторонам и сказал:

— Завтра я схожу в уездную управу и внесу запись. Эти два экземпляра храните бережно, не повредите.

Процедур оказалось немало. Услышав, что договор ещё и будут регистрировать в уездной управе, Нин Гуйчжу наконец-то ощутил некоторое доверие к этому «хэшоу», договору о соглашении. Он аккуратно сложил переданную ему половину и убрал, затем посмотрел на хозяина лавки.

Хозяин тоже убрал свою часть, поднялся и прошёл за прилавок, откуда вынес два ляна серебра и с улыбкой сказал:

— Надеюсь, наше сотрудничество сложится удачно.

Как они и договорились ранее, за половину рецепта полагалось два лян серебра; если доубаньцзян действительно удастся приготовить, вторую половину рецепта хозяин выкупит за восемь лян. Десять лян серебра для владельца соусной мастерской не были чем-то значительным, а вот для Нин Гуйчжу эта сумма означала очень многое - на неё можно было решить массу вопросов и обрести уверенность в жизни здесь.

И к тому же...

Если семья Сюн в итоге окажется не тем местом, где стоит оставаться, рецепт доубаньцзяна станет для него своеобразным «пропуском»: наладив связь с соусной мастерской и сумев предложить достаточную выгоду, он всегда сможет найти того, кто протянет ему руку помощи.

Подумав об этом, Нин Гуйчжу почувствовал, как улыбка на его лице становится всё более искренней. Он протянул руку, принимая серебро, и уверенно сказал:

— Всё обязательно пройдёт гладко.

Разобравшись с делом, они перешли к обычным покупкам.

Соевого соуса и выдержанного уксуса взяли по пять цзиней, соуса из жёлтых бобов - три цзиня, мясной соус продавался по кувшинам; в сумме выходило девятьсот восемьдесят вэней. Мясной соус хозяин отдал по сниженной цене в сто восемьдесят вэней, а потом ещё и скостил десять вэней, так что в итоге получилось девятьсот пятьдесят.

Услышав сумму, Сюн Цзиньчжоу шагнул вперёд и расплатился. Обернувшись, он заметил, что Нин Гуйчжу уже достал серебро, полученное только что, и сказал:

— Твои деньги пока убери.

Нин Гуйчжу поднял взгляд и встретился с ним глазами. Выражение в глазах мужчины было спокойным и ровным, словно сказанное само собой разумелось, и на этом фоне его собственные расчёты вдруг показались чем-то не совсем достойным.

Но если тот, кто находится в уязвимом положении, не будет думать о себе сам, неужели ему остаётся лишь уповать на добрую волю почти незнакомого человека?

Нин Гуйчжу открыто, светло улыбнулся и сказал:

— Мы теперь семья. Какие тут «твой» и «мой» деньги - всё общее.

Эта улыбка сбила Сюн Цзиньчжоу с толку: его взгляд поплыл в сторону, и кроме короткого «угу» в голове не нашлось ни одной подходящей фразы.

Набралось больше десятка цзиней, да ещё всё в глиняных кувшинах - нести такое было неудобно. По просьбе хозяина лавки Сюн Цзиньчжоу доплатил ещё десять вэней за услуги носильщика, договорившись, чтобы всё доставили к ним домой до полудня.

Выйдя из соусной мастерской, Нин Гуйчжу сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Ещё нужно докупить кое-какие сельхозорудия и глиняные кувшины, потом взять несколько цыплят и утят. Купим это, и можно возвращаться, хорошо?

К списку покупок Сюн Цзиньчжоу возражений не имел, но добавил своё:

— В доме мяса не осталось, давай ещё кусок мяса купим.

— ...

Деньги всё равно он зарабатывает, хочет мяса, пусть будет мясо.

Поскольку кузница была ближе всего, они направились сначала туда. В это время железные изделия продавались с ограничениями: обычной семье разрешалось купить не больше пяти предметов. Сюн Цзиньчжоу как глава стражи имел право на три дополнительных позиции. Дома у них уже были железный котёл и кухонный нож, поэтому, поразмыслив, Нин Гуйчжу взял мотыгу, топор для дров и серп. Окинув взглядом прилавок, он спросил:

— А ножниц у вас нет?

Кузнец, услышав вопрос, рассмеялся:

— Ножницы - вещь мелкая, за ними в ткацкую лавку нужно идти.

— Понял, спасибо, — ответил Нин Гуйчжу. — Тогда берём это.

— Всего триста девяносто вэней, — кузнец бросил взгляд на выбранное и назвал цену.

Железо находилось под государственным контролем, торг здесь был неуместен, так что Сюн Цзиньчжоу без лишних слов отсчитал деньги и передал их кузнецу, а выбранные Нин Гуйчжу железные орудия сложил в бамбуковую корзину.

Выйдя из кузницы, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Давай пойдём отсюда, по дороге всё сразу купим. В ткацкой лавке будем брать только ножницы? Может, ещё нитки и ткань?

— Можно, — согласился Нин Гуйчжу. — А сколько у нас ещё осталось денег?

Услышав вопрос, Сюн Цзиньчжоу машинально полез за пазуху, собираясь пересчитывать.

Нин Гуйчжу:

— ...

Людей вокруг полно - не боится, что его обворуют.

Он поднял руку и придержал Сюн Цзиньчжоу за запястье, сам быстро прикинул в уме и сказал:

— Осталось восемь лян, два цян и шесть вэней, нам хватит.

Услышав точную сумму, Сюн Цзиньчжоу повернул голову и с искренним восхищением сказал:

— Ты так быстро считаешь.

За такую мелочь - и уже похвала. Нин Гуйчжу неожиданно смутился, слегка покраснел, негромко кашлянул и, не продолжая тему, сказал:

— Пойдём. Давай побыстрее всё купим и вернёмся, а то солнце поднимется, станет жарко.

— А, хорошо, — Сюн Цзиньчжоу и правда тут же отвлёкся.

По дороге первой оказалась лавка с керамикой. Нин Гуйчжу выбрал несколько глиняных кувшинов и взял ещё три больших керамических сосуда, всего на двести тридцать вэней. После этого они направились в ткацкую лавку.

Думая о том, что позже нужно будет шить одежду, Нин Гуйчжу взял побольше грубой бязи. Сюн Цзиньчжоу, стоя рядом и приглядываясь, велел лавочнику добавить ещё два куска тонкого хлопка. Кроме этого взяли самые обычные нитки и ножницы, и в итоге покупка вышла даже дороже железных инструментов: пятьсот семьдесят шесть вэней. Как и прежде, заплатили ещё десять вэней за услуги носильщика, договорившись, чтобы товар доставили к ним домой.

Разобравшись с бытовыми покупками, они перешли к мясу и цыплятам с утятами. В древности

людям не хватало жиров, поэтому большинство предпочитало жирное мясо. Нин Гуйчжу видел, как Сюн Цзиньчжоу упрямо тянется к самым жирным кускам; он терпел, терпел, но всё-таки не выдержал и сказал:

— Давайте лучше грудинку. Хозяин, а по чём у вас сало?

Мясник ответил:

— Шестьдесят вэней за цзинь. Здесь всего два цзиня и один лян сала; если берёте, за этот лян денег не возьму.

— Договорились.

Раз уж Нин Гуйчжу принял решение, Сюн Цзиньчжоу мог лишь с сожалением отвести взгляд, прикидывая, что в следующий раз придёт за покупками один, тогда уж можно будет взять побольше жирного мяса.

Мясник ещё раз взвесил сало, показал Нин Гуйчжу вес, затем, как они и договаривались ранее, отрезал два цзиня грудинки и, убирая нож, ловко срезал небольшой кусочек чистого жира и положил сверху, весело приговаривая:

— Итого сто девяносто шесть вэней. Этот кусочек вам в придачу.

Нин Гуйчжу:

«...»

Он покосился на Сюн Цзиньчжоу, который с довольным видом расплачивался, и в душе ему стало и смешно, и немного беспомощно одновременно.

То, что мясник добавил кусок в придачу, было сделано явно из уважения к Сюн Цзиньчжоу, и Нин Гуйчжу не стал отказываться. Когда Сюн Цзиньчжоу уложил мясо в бамбуковую корзину, они направились к последнему месту на сегодня - к конному двору.

Конный двор служил местом торговли скотом. Аньхэ был уездом небольшим, отдельного птичьего рынка здесь не имелось, поэтому куры, утки и прочая домашняя птица продавались тоже здесь. Едва войдя, они сразу заметили торговку с корзинами цыплят и утят. Нин Гуйчжу присел на корточки и поинтересовался ценой.

Пожилая женщина, увидев покупателей, тут же оживилась:

— Цыплята по три вэня за штуку, утята покрупнее, на вэнь дороже.

Цена вполне укладывалась в ожидания Нин Гуйчжу. Он внимательно осмотрел птенцов в плетёных корзинах и выбрал пять цыплят и трёх утят. В горной деревушке, где он вырос, ходила примета: «покупай по одному, не покупай парой, купишь парой, все подохнут». Сам Нин Гуйчжу в такие вещи не верил, но, слыша это с детства, каждый раз, покупая молодняк, невольно следовал привычке.

Сюн Цзиньчжоу расплатился, а Нин Гуйчжу аккуратно переложил выбранных цыплят и утят в пустую бамбуковую корзину, которую тот держал, после чего осторожно поднялся.

— Тогда... — Нин Гуйчжу уже хотел сказать, что пора возвращаться домой, но вдруг вспомнил:
— Мы ещё соль не купили.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу поднял голову, взглянул на небо и сказал:

— Давай сначала вернёмся. Тебе пора пить лекарство, а соли дома ещё хватит на пару дней. Потом я куплю по дороге с дежурства.

— Ладно, — согласился Нин Гуйчжу.

—

Теперь, когда на них легла тяжёлая ноша, выйдя за городские ворота, Сюн Цзиньчжоу повёл Нин Гуйчжу к месту, где обычно стояли повозки. Когда они шли вместе, большинство прохожих сначала невольно засматривались на внешность Нин Гуйчжу, а затем, заметив Сюн Цзиньчжоу, пугливо отворачивались. Эти реакции были не слишком скрыты, и Нин Гуйчжу, приподняв бровь, вдруг ощутил любопытство - ему стало интересно, как именно выглядит его нынешнее лицо.

Разглядывать себя он решил позже. Сейчас же он окинул взглядом толпу и заметил того самого возницу, с которым они сталкивались по дороге сюда.

Подойдя вместе с Сюн Цзиньчжоу, он спросил:

— Скажите, вы когда обратно поедете?

Вознице особо не обрадовался, но в повозке уже сидело четверо человек; если добавить ещё Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу, можно будет ехать. Решив, что под присмотром Сюн Цзиньчжоу никто не осмелится сбежать, он ответил:

— Если вы сядете, то можем выезжать прямо сейчас.

— Тогда хорошо.

Глаза Нин Гуйчжу изогнулись в улыбке; он протянул вознице два медных вэня и направился к задней части повозки.

— Вещи сначала мне, — Сюн Цзиньчжоу протянул руку и забрал у Нин Гуйчжу бамбуковую корзину. Вторая его рука тоже не осталась без дела - он придержал Нин Гуйчжу, помогая ему взобраться на повозку.

Когда Нин Гуйчжу уселся, он потянулся было принять корзину обратно, но Сюн Цзиньчжоу отвёл его руку в сторону, одной рукой упёрся в борт и легко запрыгнул следом.

— Все сели, выезжаем, — крикнул возница.

Не услышав возражений, он поднял бамбуковый прут и слегка хлестнул им по крупу мула. Повозка качнулась и неторопливо тронулась с места. Грунтовая дорога была усыпана камешками: идти по ней пешком почти не ощущалось, а вот сидя на повозке трясло довольно сильно. К тому же борта у неё были всего с ладонь высотой, а Нин Гуйчжу с Сюн Цзиньчжоу сидели сзади, почти у самого края, из-за чего качка казалась ещё более пугающей.

Заметив, что лицо Нин Гуйчжу побледнело, Сюн Цзиньчжоу вытянул длинную ногу и поставил её с внешней стороны, словно подпорку, чтобы Нин Гуйчжу, раскачиваясь, ненароком не свалился вниз.

<http://bllate.org/book/14958/1328322>